

А. БАРТОШЕВИЧ

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СИСТЕМЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Современное состояние науки о структуре языка как совокупности ряда взаимодействующих систем все больше подтверждает обоснованность выделения словообразования как самостоятельного, особого раздела лингвистической дисциплины, далеко выходящего за пределы лексикологии и грамматики и одновременно тесно соприкасающегося с ними. Хотя среди языковедов и существуют мнения, согласно которым среди языковых уровней с их основными единицами словообразование отсутствует¹, все большее распространение получает мысль о наличии специфического словообразовательного яруса наряду с другими уровнями в языковой структуре². Несомненно, что в отличие от других уровней языка словообразование характеризуется особой системой, своими специфическими внутренними отношениями, сложными и многообразными связями с другими сферами языка³, многоплановостью, своими законами функционирования и, следовательно, должно иметь свою основную единицу с характерными для нее признаками. Однако несмотря на богатую литературу по теории словообразования, словообразовательный ярус языка пока еще остался не вскрытым, не вполне ясным остается место словообразования в кругу других лингвистических дисциплин, нет достаточно всеобъемлющей и наиболее достоверной общей схемы, отражающей действие словообразовательной системы какого-нибудь языка, еще окончательно не выработаны необходимые точные и эффективные методы анализа. Среди языковедов нет единогласия относительно даже определения понятия продуктивности — непродуктивности и ее шкалы, не говоря уже о спорных проблемах принципов словообразовательного анализа слова⁴ и о различных попытках классификации производных слов⁵.

¹ Так, например, Ч. Ф. Хоккет в структуре языка выделяет фонетику, фонологию, морфонологию, морфологию, синтаксис и семантику (см.: Ch. H o s k e t t, A course in modern linguistics, New York, 1958, стр. 137 и сл.). Согласно же концепции Фр. Дана и К. Гаузенбласа («Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств», в кн.: «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие», М., 1969, стр. 18) в языке существуют уровни: фонем, морфем, словоформ, предложений и сложных единиц.

² См.: Е. С. Кубрякова, Что такое словообразование, М., 1965; В. В. Лопатин, И. С. Улуханов, К соотношению единиц словообразования и морфонологии, в кн.: «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие».

³ Здесь взаимодействуют явления различного лингвистического характера: фонологические, морфологические, лексические, семантические и даже синтаксические. Поэтому неудивительным является предложение М. Д. Степановой («О месте словообразования в системе языка», в кн.: «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие», стр. 279), согласно которому словообразование следует рассматривать «не как отдельный уровень, а как специфическую область языка», потому что «оно имеет междуровневый характер».

⁴ Об этом см.: А. Bartoszewicz, Суффиксальное словообразование существительных в русском языке новейшей эпохи (на материале новообразований после 1940 года), Рязань, 1970, стр. 8 и сл.

⁵ См. «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка», М., 1966, стр. 72 и сл.; А. Bartoszewicz, указ. соч., стр. 15 и сл.

Не претендуя на сколько-нибудь обстоятельное освещение и окончательное решение всех спорных проблем теории словообразования, на основании данных прежде всего русского языка в настоящей статье будут затронуты лишь некоторые весьма сложные вопросы общей теории словообразования, а также будут предложены наши соображения⁶, которые, надеемся, послужат материалом для дискуссий и новых поисков в области словообразования.

Прежде всего хочется отметить, что к числу особо актуальных вопросов теории словообразования принадлежит проблема описания словообразовательных явлений как системы, которая должна быть основана на характере взаимосвязанных и взаимообусловленных языковых фактов (элементов), образующих более сложное единство. К тому же, как известно, «...система — это не только гармоническое сочетание элементов одного и того же порядка, но в то же время и совокупность противоречивых элементов и отношений, отражающих диалектическую борьбу противоположностей, борьбу старого с новым, отживающего с нарождающимся»⁷. Следовательно, разные уровни языка характеризуются наличием своих специфических единиц и тем самым невозможно говорить о словообразовательной системе, о словообразовательном уровне, не определив его основной единицы. Как раз такое положение — неопределенность объекта, основной единицы все еще наблюдается в исследованиях по словообразованию, создающих в этом отношении впечатление пестроты и отражающих самые различные концепции языковедов по вопросу принципов определения и самого характера словообразовательной единицы. Отметим здесь лишь наиболее распространенные точки зрения, а именно мнения, высказанные М. Докулилом, Е. С. Кубряковой и В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым.

Согласно концепции «единства ономаσιологической структуры слова», предложенной М. Докулилом и его последователями, в качестве основной единицы словообразования выделяют словообразовательный тип, вычлениваемый в пределах словообразовательной категории и определяющийся общностью трех элементов: «а) единством ономаσιологической структуры (т. е. единством целостного структурного значения и единством взаимоотношений составных частей этой структуры), б) единством лексико-грамматического характера словообразовательной основы, в) тождеством форманта (во всех его обязательных частях)»⁸. Эта точка зрения учитывает план выражения и план содержания языка, и благодаря этому она разделяется и развивается большинством советских и чешских лингвистов; все чаще высказывается мнение, что «подход к словообразовательному типу как о с н о в н о й е д и н и ц е системы словообразования ныне можно считать, вероятно (sic. — А. Б.), общепризнанным»⁹. Заметим, что в практике описания системы словообразования словообразовательный тип применяется обычно к аффиксальному словопроизводству, причем наряду с ним часто вводится понятие «словообразовательной модели», которая иногда является почти тождественной словообразовательному типу¹⁰.

⁶ Они найдут свое воплощение в монографии, посвященной истории отсубстантивной деривации существительных в русском языке и находящейся в настоящее время в стадии разработки.

⁷ Ф. П. Ф и л и н, Заметки о состоянии и перспективах советского языкознания, ВЯ, 1965, 2, стр. 21.

⁸ М. D o k u l i l, Tvoření slov v češtině, Praha, 1962, стр. 202.

⁹ Г. С. З е н к о в, Вопросы теории словообразования, Фрунзе, 1969, стр. 26.

¹⁰ См.: М. С. М а л е е в а, Суффиксальная словообразовательная модель (на материале имен существительных с усеченной производящей основой современного русского языка). Автореф. канд. диссерт., Орел, 1968.

Понимаемый таким образом словообразовательный тип не включает образований, одноструктурных с формальной точки зрения, но способных передавать несколько лексических значений, например: *заправики* в значении лица и предмета, *телятник* — лицо и предмет.

Другое определение основной единицы словообразования предложила Е. С. Кубрякова. Отмечая необходимость определения центральной единицы системы словообразования наподобие центральных понятий фонологии и морфологии и указывая на назревшую необходимость в создании собственной словообразовательной терминологии, она пишет: «Пока же, за неимением лучшего термина, мы предлагаем использовать для названия всех видов словообразовательных единиц термин „производное“. В него мы вкладываем в соответствии со сказанным выше гораздо более широкое содержание, чем обычно, т. е. для нас производными в буквальном смысле слова являются и аффиксальные образования, и сложные слова, и аббревиатуры, и конвертированные единицы (т. е. образованные без специального словообразовательного элемента, ср. *пыль* — *пылить*, *зелень* — *зеленеть* и т. д.), и все прочие виды вторичных словообразовательных конструкций. Это и следует иметь в виду, когда в дальнейшем изложении мы... утверждаем, что центральной единицей системы словообразования является производное»¹¹.

Недавно В. В. Лопатин и И. С. Улуханов предложили новый подход к определению основной единицы словообразовательного уровня и, соответственно, выделили особую единицу данного уровня. Исходя из того, что «разные уровни языка целесообразно выделять не только на основании сегментных единиц, но также и на основании различий в их функциях и способах организации (как в синтагматическом, так и в парадигматическом планах)»¹² и что «для словообразовательного уровня языка релевантны только такие признаки, которые характеризуют мотивированное (производное) слово в целом, а не отдельные словоформы»¹³, основной единицей словообразовательного уровня они считают формант, который является более узкой единицей в рамках словообразовательного типа, понимаемого ими как основная единица классификации словообразовательных явлений, и определяют его как «структурную схему, общую для всех образований одного типа и, следовательно, являющуюся носителем словообразовательного значения»¹⁴. Отметим лишь, что неудобство введения понятия «формант» в таком значении станет совершенно очевидным, если принять во внимание, что это понятие может охватывать как одно¹⁵ так и несколько словообразовательных средств и даже формантов¹⁶, хотя в иных значениях оно употребляется относительно широко¹⁶.

Трудность определения основной единицы словообразовательного уровня заключается, как уже говорилось, в специфике и чрезвычайной сложности словообразовательных отношений. Достаточное выявление этих отношений и, следовательно, искомой единицы немислимо, по-видимому, до тех пор, пока не будут учитываться одновременно, кроме плана выражения и плана содержания языка, другие ярусы языковой структуры и, что очень важно, место и функции их среди компонентов языка как системы средств коммуникации.

¹¹ Е. С. Кубрякова, указ. соч., стр. 24.

¹² В. В. Лопатин, И. С. Улуханов, указ. соч., стр. 120.

¹³ Там же, стр. 121.

¹⁴ Там же, стр. 122.

¹⁵ Например, при смешанном способе словообразования с участием сложения и аффиксации формант будет равен сумме формантов, присущих составляющим способам словообразования.

¹⁶ Ср.: О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов, М., 1966.

Бесспорно, что определение основной единицы той или иной системы во многом зависит от общих, принятых данным исследователем, положений. В нашем случае при определении основной единицы системы словообразования мы будем исходить из следующего:

1. Конкретное значение слова, находящегося, как известно, на более высоком уровне абстракции системы языка, чем, например, предложение, всегда проявляется в контексте в широком смысле этого определения ¹⁷.

2. Аффикс, выделяемый в производном слове, не имеет сам по себе никакого лексикологического значения, ибо он — лишь один из компонентов, формирующих только внешнюю сторону слова — слово-структуру на основе того или иного слова.

3. В языке, общей и основной целью существования системы которого является общение, на базе его средств производство слов протекает прежде всего по образцу уже существующих слов-структур.

4. Сложность отношений и отсутствие полного соответствия между планом выражения и планом содержания.

5. Структура языка — это «спираль» взаимопроникающих уровней, что особенно проявляется в словообразовании.

6. Основная единица системы должна представлять собой нечто целостное в статике и в историческом развитии и репрезентанты ее на данном уровне должны характеризоваться двумя группами признаков: дифференциальными (противопоставляющими их другим одноярусным объектам) и объединительными (по которым они объединяются с другими одноярусными объектами).

7. При определении основной единицы словообразовательного уровня должны учитываться все способы деривации слов: префиксация, суффиксация, нулевая суффиксация ¹⁸, конфиксация ¹⁹, чистое сложение, сложение с аффиксацией, сращение, аббревиация, субстантивация и т. д.

Учитывая эти положения и основные принципы структурно-функционального языкознания, производное (мотивированное) слово целесообразнее, как нам кажется, рассматривать в структурном и функциональном аспектах. В структурном аспекте производное слово — это определенная структура, характеризующаяся определенными лексико-грамматическими свойствами производящего слова и определенным словообразовательным средством ²⁰. Функциональный план этой структуры определяется использованием ее в речи с новым значением по сравнению со значением производящего слова, причем та или иная структура может выражать частные значения в отдельности (например, личности, предметности, отвлеченности и т. д.) или с течением времени может стать средством для передачи нескольких значений (например, личности и предметности, действия и предмета). В частности, в отношении такого определения функционального плана слов-структур примечателен один хорошо известный факт, что «...в словообразовательных процессах всех славянских языков исторического периода выделяются две основные тенденции: активное развитие

¹⁷ Ср.: Ф. Д е С о с с ю р, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 128.

¹⁸ О нулевой суффиксации см.: В. М. М а р к о в, Явления нулевой суффиксации в русском языке. «Тезисы докладов межвузовской конференции по исторической лексикологии, лексикографии и языку писателя», Л., 1961; В. В. Л о п а т и н, Нулевая аффиксация в системе русского словообразования, ВЯ, 1966, 1.

¹⁹ См.: В. М. М а р к о в, Замечания о конфиксальных образованиях в языке поэтических произведений М. В. Ломоносова, «Очерки по истории русского языка и литературы XVIII века (Ломоносовские чтения)», I, Казань, 1967.

²⁰ При аффиксации общим словообразовательным средством будет общий аффикс, при словосложении — способ сложения с учетом соединительной морфемы, порядка компонентов, характера усечения основы или основ и т. д.

вторичных значений — конкретных из абстрактных (*-njbe, -stvo, -ka, -nja, -isko*), значение предмета из значения действующего лица...»²¹.

При таком подходе к основной единице словообразовательного уровня объединяются, по-нашему, все основные словообразовательные признаки, причем понимаемая таким образом единица будет исполнять свое главное назначение, т. е. будет общей схемой образования средств языковой коммуникации. Эту единицу мы предлагаем назвать дериватемой²² (от лат. *derivatum* «отведенный»), что соответствует термину «деривация» в значении словопроизводства вообще, а не только аффиксального²³. Итак, дериватема — это абстрагированная от речи общая схема образования новых слов — средств языковой коммуникации, которая характеризуется определенным словообразовательным средством и определенными лексико-грамматическими свойствами слов, реально и потенциально составляющих производящую базу, и тем, что слова-структуры, произведенные по ее образцу, могут использоваться для выражения новых лексических или лексико-грамматических значений по сравнению с исходными для них словами. Дериватема — единица словообразовательного уровня, абстрагированная от речи. Манифестацией ее в речи являются дериваты — вторичные слова соответствующей структуры (т. е. слова с определенным словообразовательным средством и определенными лексико-грамматическими свойствами производящего слова), несущие в речи конкретные новые по отношению к исходным словам лексические или лексико-грамматические значения. Следовательно, между дериватом и дериватемой существуют, в основном, такие соответствия, как и между морфой и морфемой, и соответственно в структуре языка наряду с уровнем фоном, морфем и т. д. можно выделить уровень дериватем.

Согласно такому определению центральной единицы словообразовательной системы, то или иное слово-структура является репрезентантом той или иной дериватемы при условии, если оно, во-первых, имеет или способно передавать новое лексическое или лексико-грамматическое значение по отношению к слову, исходному для него, т. е. является или способно быть средством языковой коммуникации, и, во-вторых при условии, если оно является или может быть моделью для создания других одноструктурных слов. Иначе говоря, второе условие означает, что деривация репрезентантов той или иной дериватемы необязательно должна быть продуктивной. Она может быть формально и / или качественно продуктивной или формально и / или качественно непродуктивной²⁴. Так, например, в современном русском языке дериваты типа *тракторист* являются репрезентантами дериватемы «предметное существительное + *ист*»; типа *пахарь* — дериватемы «наименование действия (глагол) + *арь*»; типа *пастух* — дериватемы «наименование действия (глагол) + *ух*», хотя степень продуктивности их деривации различна: деривация слова типа *тракторист* формально и качественно продуктивна, образование слов типа *пахарь* формально непродуктивно и качественно продуктивно, деривация слов типа *пастух* формально и качественно непродуктивна.

²¹ «Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов. Проспект», Київ, 1962, стр. 36.

²² Заметим, что понятие дериватемы в смысле абстрагированных от физической субстанции однородных словообразовательных типов предложил ввести Г. С. Зенков (указ. соч., стр. 100). Не вдаваясь в подробности, отметим лишь, что относительно понятия дериватемы наше мнение не совпадает с точкой зрения Г. С. Зенкова.

²³ Ср.: О. С. А х м а н о в а, указ. соч.

²⁴ О понятии формальной и качественной продуктивности — непродуктивности подробнее см.: О. Г. Р е в з и н а, Структура словообразовательных полей в славянских языках, М., 1969, стр. 91 и сл.

По отношению к своим манифестациям дериваты могут быть монофункциональными и полифункциональными. Монофункциональные дериваты обладают одной функцией, т. е. их репрезентанты несут одно основное значение. Так, например, деривата типа «предметное существительное + *ист*» монофункциональна, ибо дериваты *тракторист*, *прожекторист* и т. д. служат для обозначения только лица. Полифункциональные дериваты обладают несколькими функциями, т. е. их репрезентанты могут служить для передачи нескольких значений, например, деривата типа «имя действия + *щик*» полифункциональна, ибо дериваты *заправщик* и т. п. могут обозначать лицо и предмет.

В системе словообразования дериваты взаимосвязаны и взаимообусловлены и противопоставлены друг другу в структурном и функциональном планах. В структурном плане дериваты различаются по двум признакам (по словообразовательному средству и по общему классу производящих слов, объединенных по общим лексико-грамматическим признакам) или только по одному (по словообразовательному средству или по характеру производящей базы). В первом случае они всегда разноструктурны (ср., с одной стороны, дериваты типа *тракторист* и, с другой стороны, типа *упаковка*). Во втором же случае дериваты совпадают по словообразовательному формативу (например, *компрессорщик* и *заправщик*) или по характеру производящей основы (например, *компрессорщик* и *прожекторист*). Функциональный план у дериватов по отношению к другим дериватам также может быть частично или полностью и различен, и одинаков и, соответственно, среди них есть разнофункционалирующие и однофункционалирующие дериваты. Разнофункционалирующие дериваты в речи проявляются в наличии дериватов, различных по структуре и по общему значению (например, дериваты на *-ист*, *-ость*, *-ние*), однофункционалирующие дериваты — в наличии дериватов, разных по структуре и одинаковых по общему значению (например, дериваты на *-ист*, *-вед*, *-лог* и др.). Если однофункционалирующие дериваты не различаются по общим лексико-грамматическим признакам производящей базы (ср. дериваты *прожекторист* и *компрессорщик*), то в таких случаях можно наблюдать явления словообразовательной синонимии, которая на уровне дериватов особенно ярко проявляется в наличии семантически равноценных слов, произведенных от тех же производящих слов (например, дериваты *атомник* и *атомщик*, *целинник* и *целинщик* со значением лица). В языке, как известно, есть и другие случаи, когда разнофункционалирующие дериваты совпадают по словообразовательному средству, например, дериваты *парашютистка*, *семилетка* и *упаковка*, оформленные формантом *-ка*. Такие явления можно определять как полифункциональность того или иного словообразовательного средства.

В связи со сказанным об отношениях между дериватами и характере проявления их в языке невольно возникает вопрос, чем регулируется место и роль деривата в языке, который не терпит и старается устранить тем или иным способом (например, путем вытеснения, дифференциацией в употреблении) чрезмерную избыточность и дублетность коммуникативных средств. Чтобы ответить на данный вопрос, кроме основных структурных и функциональных признаков той или иной дериваты, в том числе и накладывающих запреты и ограничивающих появление дериватов, следует выявить еще дополнительные признаки, которые имплицитно определяют функцию дериваты в механизме функционирования словообразовательной системы языка. К более существенным, на наш взгляд, относятся следующие: 1) характер употребления дериватов в языке (= речи) с его разветвленной системой стилей, например, дериваты на *-ние* и *-ка* со значением действия в русском языке в общем плане различаются по сферам употреб-

ления: книжная и разговорная; 2) степень соответствия принципам языковых законов (например, слоговой экономии) и тенденциям развития системы языка в целом и словообразования, в частности; 3) количественная характеристика дериватов, которая определяется: а) количеством тех или иных дериватов в речи — это особенно важно при сопоставительном плане изучения дериватом; б) соотношением потенциального количества дериватов с количеством их, реально существующим — этим определяется соотношение абстрагированной схемы с ее реальным воплощением в языке; в) частотным показателем употребления в речи всех таких дериватов и каждого в отдельности — это весьма существенно для появления новых слов, ибо, как известно, количественные изменения в языке неизбежно приводят к качественным изменениям.

Предложенный нами подход к определению основной единицы словообразовательного уровня ни в коем случае не ограничивает возможности искать общие отношения, систематизирующие словообразование и классифицирующие дериваты, как внутри, так и вне пределов самого словообразования. Систематизация словообразовательных отношений и классификация дериватом — это вопрос, требующий особого рассмотрения. Отметим лишь, что для наиболее перспективного разрешения его, по-видимому, надо исходить из общих отношений, существующих и возможных у тех или иных предметов мысли (т. е. внеязыковые логические связи между предметами действительности предопределяют возможности появления новых понятий на базе данных, уже существующих понятий) и из общих отношений частей речи. В последнем случае особенно примечательно высказывание В. Н. Хохлачевой, что «словообразование представляет собой систему взаимодействия производных и производящих единиц как единиц частей речи»²⁵.

²⁵ В. Н. Х о х л а ч е в а, О некоторых принципах построения описательной морфологии современного русского литературного языка, ФН, 1969, 5, стр. 99.